

Сирения

Ирион Зет

СВЯЗАННЫЕ
ПРОРОЧЕСТВОМ

Ирион Зет

Связанные пророчеством

<https://litres.ru/74207774>

Аннотация

Я думала, что смерть под колесами автомобиля — это конец. Но очнулась в другом мире, который сам находился на грани гибели. Согласно древнему пророчеству, только я вместе с двумя незнакомцами, моими «истинными», могу вернуть жизнь этой земле. Нас ждут пять смертельных испытаний, где главное — научиться доверять друг другу. Но самое сложное — принять, что наша тройная связь должна стать чем-то большим. Готова ли я на это? Смогу ли полюбить двух мужчин? От этого зависит всё.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Пролог

Вероника

Меня зовут Вероника Веселова. Ирония, заключенная в фамилии, стала не просто фоном, а моей второй кожей, мундиром, который я носила с детства, не смея его сбросить. «Веселова» - будто тонкая, изощренная насмешка судьбы, дань той жизни, которой я никогда не жила и, как казалось, никогда не смогу жить. Во мне, в самой моей молекулярной структуре, не было отведено места легкости, тому самому беззаботному, заразительному смеху, который, судя по книгам и фильмам, должен пузириться в юности. Вместо этого я с младых ногтей научилась поражать серьезностью, ответственностью, невысказанными ожиданиями. Это стало для меня единственно возможным. Попытка повернуть что-то иное вызывала панический спазм.

Мне двадцать четыре. Мой мир - это трехкомнатная квартира в панельной девятиэтажке, где время замедлило свой бег, подчинившись тихому, но неумолимому ритму, задаваемому двумя женщинами. Мама, чье молчание о прошлом стало прочнее и непроницаемее бетонных стен нашего дома. Ее прошлое - это закрытая книга, запечатая на семь печатей, и ключ она давно выбросила. И бабушка Тася - Таисия Петровна - мой настоящий полюс, заменившая мне и отца, и подругу, и строгого, но справедливого судью. Она была жи-

вой историей, ходячей моралью, воплощением «как надо». Отец для меня - пустое место, призрак, имя и лицо которого были стерты с такой тщательностью, будто его никогда и не было. Мать вычеркнула его из нашей реальности одним резким движением, оставив в качестве объяснения лишь скудную, отточенную как лезвие формулировку: «Узнал о тебе и ушел». Не «нас бросил», не «разлюбил», а именно «узнал о тебе». Эта фраза с годами не тускнела. Она висела вечным, незримым предостережением, оберегающим меня от подобных, роковых ошибок. От ее ошибок. Я была фактом, который заставил мужчину уйти. Этот урок был усвоен мной на клеточном уровне.

Бабушка растила меня не на сказках, а на суровых, выстраданных рассказах о погибшем на войне деде, на незыблемых догматах чести, порядочности и долга. Ее воспитание - это был не просто свод правил, типа «мой руки перед едой». Это был прочный, теплый, но невероятно плотный кокон, сплетенный из «девочки так себя не ведут», «что люди подумают?», «твоя главная ценность - твое доброе имя». Из этого кокона я так и не нашла в себе сил, да и желания, вырваться. В двадцать четыре года мое тело, молодое и на вид здоровое, оставалось неприступной крепостью, которую не брала ни одна осада. Ни робкая, ни настойчивая. Девственность в моем случае - не осознанный выбор и уж тем более не добродетель. Это скорее диагноз. Психосоматический

блок. Проклятие, выкованное самой чистой, самой жертвенной любовью бабушки, которая хотела для меня только лучшего, ограждая от всех шипов этого мира.

Я не могла сказать, что совсем не привлекала внимания. Зеркало в прихожей, старое, с чуть потемневшей амальгамой, показывало мне объективные данные: стройную, подтянутую фигуру (спасибо пешим прогулкам и отказу от фаст-фуда), прямые светлые волосы, падающие на плечи аккуратным, неброским каскадом, и лицо... Лицо с правильными чертами, но с слишком спокойными, почти отрешенными голубыми глазами. В них читалась не загадка, а усталость. Усталость от постоянного внутреннего цензурирования. Но стоило лишь чьему-то взгляду задержаться на мне чуть дольше обычного, а пальцам - коснуться моей кожи с намерением, выходящим за рамки формально-дружеского, как внутри срабатывала сигнализация. Тихая, но неумолимая. Руки сами собой складывались в баррикаду на груди, плечи напрягались, а разум начинал твердить заученную, вбитую с детства мантру о «единственном и любимом», о «сохранении себя». Это был не голос желания, а голос страха.

Страх оказаться использованной, обманутой, осмеянной. Страх повторить судьбу матери, стать той, из-за кого уходят.

Я слушала подруг за обедом в больничной столовой - я стала врачом - их восторженные, сбивчивые, переполненные эмоциями истории о свиданиях, постели, ссорах и прими-

рениях. Внутри меня в такие моменты шевелилось что-то острое, горькое и тягучее - не то зависть к этой легкости, не то чувство глубокой, калечащей ущербности. «Со мной что-то не так, - шептал внутренний голос. - Я сломана». Но кон, сплетенный из бабушкиных «правильно» и материнского «не наступай на те же грабли», был прочнее любой логики и любого смутного желания. Он был моим домом, моей тюрьмой и моей броней.

Самым страшным, самым непростительным грехом для меня была ложь. Не мелкая, бытовая, а та, что калечит душу. Она вонзилась в меня в восьмом классе, приняв облик обычного, ничем не примечательного парнишки с доверчивыми карими глазами и смешными веснушками на носу. Его имя, клянусь, уже стерлось из памяти, растворилось, осталось лишь смутное ощущение - тепло его немного потной, нервной ладони в моей во время нашего первого и последнего «свидания». Мы гуляли после школы по осеннему парку, пили из одной бутылки слишком сладкую газировку, и он носил мой перегруженный учебниками рюкзак. Для меня, тихой отличницы, это была первая, робкая, пугающая попытка настоящей дружбы с представителем противоположного пола, окрашенная смутной, далекой надеждой на что-то большее, красивое, что жило где-то в книгах и должно было случиться когда-нибудь потом, в далеком, взрослом будущем. Я позволяла себе мечтать о совместном выполнении домашнего задания, о прогулках, может, даже о поцелуе в

щеку под Новый год. А потом, всего через пару дней, я случайно, застряв у раздевалки, услышала, как он, краснея до корней волос и запинаясь, но с явной бравадой, рассказывал кучке приятелей грязные, пошлые, абсолютно выдуманные подробности нашего «секса». Моя выдуманная «распущенность», мое «желание» стали притчей во языцех. Взгляды одноклассников, сначала любопытные, потом сальные, усмешки, шепот за спиной, похабные надписи на моей парте - все это жгло меня изнутри сильнее любого огня. Он украл у меня невинность, которой я ему не отдавала и не собиралась, - он украл ее грязным враньем, опозорив, превратив мою первую робкую привязанность в похабный анекдот. Бабушка, увидев мое подавленное состояние, не стала выяснять подробности. Она просто взяла меня за руку, пошла в школу и оформила перевод. В ту, старую школу, в тот коридор с его смехом, я не вернулась бы под дулом пистолета. Предательство вкуса той газировки и тепла его ладони стало навсегда связано с холодом одиночества.

Спасалась я одним - учебой. Мир людей был непредсказуем и жесток, а мир наук - строг, логичен и справедлив. Меня манили незыблемые законы биологии, объяснявшие работу сердца, и хаотичная, но подчиняющаяся формулам алхимия химических реакций. Еще с детства, когда болела наша кошка Мурка, я интуитивно, по едва уловимым признакам, понимала, что с ней. Игра в доктора была не игрой, а самым настоящим призванием, бегством в мир, где можно

было что-то исправить, исцелить, навести порядок. Лечить подругу от простуды, бабушку от давления, того же кота - мои руки словно сами знали, что делать, куда нажать, что приложить. Так, почти без раздумий, я оказалась в медицинском, а затем - в серых, пахнущих антисептиком и отчаянием стенах городской больницы, в должности врача-психиатра (официально - психоневролога). Я лечила чужие нервы, чужие панические атаки и депрессии, словно пытаюсь методично, по учебнику, навести порядок в том хаосе, что тихо и безнадежно царил внутри меня самой. Свои тревоги я оставляла за дверью кабинета, надевая белый халат как доспехи.

Однажды ночью, когда я заканчивала смену, заполняя кипу бумаг, на скорой привезли в мой стационар. Это было не по моему профилю, но дежурный терапевт попросила помочь. Санитары выкатили носилки, и я увидела бабушкино лицо.

Ее милое, родное лицо было искажено страшной, асимметричной гримасой, которую я знала по учебникам неврологии - левосторонний паралич. Инсульт. Она была в сознании. Ее глаза, всегда такие живые, умные, всепонимающие, смотрели на меня в ужасе и беспомощности, словно застрявшие в этой внезапно предавшей ее плоти. Я, врач Вероника Веселова, отдавала четкие распоряжения медсестрам, голос не дрогнул ни разу, руки не задрожали. Внутри же что-то огромное и важное разорвалось с тихим, хрустальным звуком. Пропасть между профессиональным «я» и внучкой ста-

ла непроходимой. Через несколько дней, несмотря на все усилия, бабушка впала в кому и тихо ушла, не простившись, не успев сказать мне последнее «будь умницей».

На похоронах, под монотонный, ледяной шепот ноябрьского дождя, нас было всего трое: мать, стоящая поодаль, какая-то старая, плачущая подруга бабушки из давнего прошлого, и я. Я смотрела, как простой деревянный гроб медленно, с противным скрежетом, скрывается в сырой, темной земле, и не чувствовала ничего. Ни боли, ни тоски, ни даже облегчения. Просто пустота. Абсолютная, звонкая, как лед. Все эмоции, казалось, были потрачены за те несколько дней у больничной койки. Мать, ее лицо было бледным и растерянным, попыталась обнять меня за плечи, ее прикосновение было чужим, тяжелым и обжигающим, как утюг. Я инстинктивно, резко сбросила ее руку, даже не взглянув, и пошла прочь от могилы, не видя дороги, не чувствуя под ногами земли. Кто-то кричал мне вслед - мать или та старая женщина, - но звуки не долетали, потеряв всякий смысл, как радиопомехи. Я шла по мокрому асфальту, а в ушах стоял лишь нарастающий вой ветра в голых ветвях и глухой, ударный стук собственного сердца - отсчет последних секунд какой-то жизни.

Последнее, что я успела осознать - это ослепительный, размытый свет фар, вынырнувших из-за поворота, слепящий, как прожектор на допросе. И химическая вонь гари от резко заблокированных шин, смешанный с запахом мокрого

асфальта и осенней гнили. Потом - короткий, оглушительный удар.

Глава 1

Лариэль

Ледяной ветер осени, пахнувший гниющей листвой и сыростью приближающейся зимы, свистел в ушах. Я не ощущал его холода - лишь легкое раздражение, тонкую, как лезвие ножа, нервную ноту, что вибрировала в крови. Утро. Обезд границ. Рутинa, от которой зависело выживание того, что осталось от моего народа.

Мой взгляд скользил по опушке, выискивая малейшее движение в сплетении вековых стволов и чахлого подлеска. Лес Эллендор, некогда сиявший изумрудной магией, теперь дышал тяжело и прерывисто. Воздух, пропитанный влагой, отдавал сладковатой вонью тления. Это было проклятие. Конец всего.

Они снова были здесь, - беззвучно констатировал я, следя за тем, как мой лейтенант, Фаэлан, указывает на свежие следы - глубокие, с характерным отпечатком когтистых лап. Обратни. Проклятый народ, бич нашего существования. В отличие от эльфов, чьи женщины рожали одного ребенка раз в столетие, сберегая свою силу и магию, и чьи браки были прочнейшим союзом душ, обратни плодились с безрассудной, животной скоростью. Их кланы жили по законам стаи: сильные самцы, плодовитые самки, ежегодный приплод. Они не строили, не творили - они потребляли. Пожирали про-

странство, ресурсы, саму жизнь.

Я сжал поводья, и мой белый конь, Сильван, взмахнул гривой, словно чувствуя гнев седока. Грусть, тяжелая и неизбывная, как туман над болотами, сдавила горло. Я - повелитель эльфов, потомок королевской династии, чья кровь текла в жилах с начала времен, - был свидетелем медленного угасания собственного рода. Наши города пустели, колыбели молчали десятилетиями. Эльфийки предпочитали сохранять свои стройные, бессмертные тела для искусства и магии, а не для пеленок и бессонных ночей. Рождение наследника в семье стало величайшей редкостью, почти чудом. А чудеса, увы, кончились.

И пока мой народ вымирал, Проклятие пожирало землю. Черные болота, возникшие столетия назад из ниоткуда, как раковая опухоль на теле Лавии, медленно, но неотвратимо расплзались. Я видел, как за долгую жизнь некогда плодородные долины превращались в зловонную, пузырящуюся жижу, как вековые деревья чернели и рушились в труху, как сама магия истончалась и умирала в этих местах. Оборотням, с их растущим как на дрожжах населением, приходилось все туже. Голод делал их отчаянными. И отчаянные звери - самые опасные.

«Сегодня тихо», - мысленно отметил я, завершая объезд. Слишком тихо. Эта тишина была обманчивой, натянутой, как струна перед выстрелом.

Внезапно с севера донесся отдаленный лай, металличе-

ский лязг и короткий, яростный вой, оборвавшийся рыком. Я резко развернул Сильвана и помчался на звук, чувствуя, как ледяной комок тревоги сжимается у меня в груди. Ветер свистел в ушах уже не просто раздражающим фоном, а набатом, рвущим тишину. Просеки и тропы мелькали за спиной, сливаясь в полосатый коридор из серого неба и черных стволов.

На небольшой поляне, окруженный кольцом эльфийских воинов с обнаженными клинками, стоял он. Оборотень. Не в своей звериной форме, а в гибридной - двуногий, покрытый бурой шерстью, с вытянутой волчьей мордой, с которой капала слюна. Янтарные глаза пылали яростью. Он был могуч, его мышцы играли под грубой кожей, но против десятка изящных клинков эльфов его сила ничего не значила. Его уже сковали магическими путами, светящимися холодным синим светом, которые впивались в плоть при каждой попытке двинуться, источая легкое шипение. На земле валялись двое наших воинов - один недвижим, с неестественно вывернутой рукой, другой, прижимая рану на боку, сидел, прислонившись к дереву. В воздухе витал едкий запах крови, пота и звериной псины. Я медленно подъехал, остановив коня в паре шагов, окидывая взглядом картину. Сильван беспокойно переступил с ноги на ногу, фыркнув в сторону пленника. Я ощущал на себе его ненавидящий взгляд, острый, как жало.

- Что привело тебя в мой лес, щенок? - спросил я с ледя-

ным презрением, позволяя каждому слову обрести вес и падать, как камень. - Здесь не водятся олени для твоей стаи. Лишь тень и смерть для непрощенных гостей.

Оборотень хрипло засмеялся, оскаливая клыки, между которыми повисла кровавая нить слюны.

- Охотился, ушастый. А разница? На вашей земле, на нашей... скоро ее не будет. Болота не спрашивают, чей это лес. Они приходят, как приходит зима, и все становится их добычей. Мы лишь... идем впереди, расчищаем путь. Ваши деревья скоро станут гнилыми корягами в черной воде. И что тогда будут стоять ваши границы и ваша древняя кровь?

Я внимательно смотрел на него, на эту грудку мышц и ярости, в которой едва теплилась искра разума, задавленная инстинктами выживания и размножения. В его словах была ужасающая, извращенная логика вредителя, который, пожирая дом, считает, что завоевывает его.

- В твоих словах есть горькая правда, - холодно парировал я, не повышая голоса. - Но разве твои вожди не понимают? Чем больше ваших щенков рождается, тем быстрее вы сами себя загоните в ловушку. Вы пожираете будущее, в котором не останется места ни для кого. Вы не заселяете земли - вы опустошаете их. И, опустошив, окажетесь на голой скале, окруженные морем собственных отбросов.

- Наши женщины сильны! Они рожают воинов! - прорычал оборотень, дернувшись против пут. Синий свет коварно вспыхнул, заставляя его застонать от боли. Шерсть на его за-

гривке дымилась. - А вы... вы, эльфы, высохли, как старые ветки. Ваш род - прах на ветру. Наших воинов - легионы! Мы сотрем ваши хрустальные города в пыль и займем ваши земли! Мы выживаем! Это главный закон - сильный выживает, слабый сгнивает. И вы сгниете первыми!

Я слегка наклонился в седле, приблизив лицо к оскаленной морде пленника. Наше дыхание смешалось - холодное, спокойное мое и его, горячее, прелое, пахнущее падалью и гневом.

- Вы можете попытаться, - прошептал я так тихо, что слова едва долетели до ушей оборотня, но прозвучали сокрушительно ясно в наступившей тишине. - Но даже если вам удастся стереть нас с лица Лавии, что вы получите? Мир, отравленный до самого сердца. Черную гниющую пустыню, где не вырастет ни травинки. Вы не завоюете наш дом. Вы лишь ускорите свой конец, став могильщиками для собственных детей. Вы умрете последними, в муках голода и безумия, на руинах всего, что могло бы быть прекрасным. Вы будете питаться друг другом в ямах, наполненных болотной жижей, и последний звук, который вы услышите, будет не победный рев, а хлопанье трясины, засасывающей последнего из вас. Вот ваш закон, щенок. Закон самоуничтожения.

В янтарных глазах на мгновение мелькнуло нечто, похожее на сомнение, тень холодного ужаса перед пустотой, которую он не мог осмыслить, но его тут же затмила слепая,

животная ярость, отрицающая все, что не сулило сиюминутной добычи или борьбы.

- Врешь! Мы выживем! Мы всегда выживаем! Мы переплывем любую грязь, переждем любую зиму! Мы - стоя! А стоя сильнее одинокого хищника, даже если тот стар и мудр! Ты боишься, ушастый! Боишься, что твой род исчезнет, и не останется даже памяти о вашей хрупкой красоте!

Я выпрямился. Внезапная усталость, тяжелее кирасы, сдавила мои плечи, словно на них опустилась вся тяжесть веков, которые я прожил, и всех веков, которых уже не будет. Говорить с ними было бессмысленно. Они видели только следующий прием пищи, следующую территорию для захвата. Они не мыслили категориями веков, магии, гармонии, круговорота жизни, который они разрывали на клочья. Их вселенная ограничивалась желудком и инстинктом размножения.

- О чем я, собственно, говорю, - мой голос вновь обрел стальную твердость, полную отвращения и ледяного презрения. - С блохастым псом, который не видит дальше собственной миски. Уберите это с моих глаз. В подземелье. Через три дня казнь на главной площади. Пусть все увидят, что ждет тех, кто посягнет на Эллендор. И пусть его шкура послужит предостережением для других, у кого еще осталось хоть капля трусливого ума.

Воины дружно толкнули пленника. Тот, фыркнув, с гордым, почти царственным видом повел плечами, скидывая их руки, будто отряхиваясь от назойливых мух. Его поза гово-

рила о вызове, но в глубине янтарных глаз, когда он на мгновение отвел взгляд от меня, читалась та самая тень - не страх смерти, а смутное предчувствие той пустоты, о которой я говорил.

- Я пойду сам, - прохрипел он, выпрямив спину. - Мне не нужна помощь увядающих цветов. Наслаждайтесь своим покоем. Он не продлится вечно.

Я наблюдал, как фигуру оборотня уводят вглубь леса, в сторону крепости, и ощущал не победу, не удовлетворение от выполненного долга, а лишь тяжелую, тягучую горечь, похожую на вкус полыни. Еще одна смерть. Еще один шаг к пропасти, который мы делаем вместе, враги, обреченные на гибель в одной, но по-разному понятой, драме. Его казнь не остановит Проклятие, не замедлит рост болот, не заставит эльфиек рожать чаще. Это был всего лишь жест отчаяния, попытка отгородиться от неизбежного еще на один день, еще на одну ночь.

- Фаэлан, командование передаю тебе, - сказал я лейтенанту, не глядя на него, уставившись в спину удаляющегося пленника. - Добей раненых, если магия бессильна. Похороны павшего с почестями. Удвой патрули на северном рубеже. Им нужен был разведчик, а не просто охотник. Значит, за ним последуют другие.

Тот молча склонил голову, его лицо, обычно невозмутимое, было напряженным. Он тоже все понимал.

- Исполню, ваше величество. И... вы не могли поступить

иначе.

Это была попытка утешения, пустая и бесплодная, как все в наши дни. Я лишь махнул рукой, не в силах произнести еще хоть слово. Мне нужно было сбежать от этого места, от этого запаха, от звука цепей и тяжелого дыхания побежденного зверя. Я развернул Сильвана и направил его прочь от границы, в самое сердце леса, туда, где еще оставалась тень былой красоты, воспоминание о том, каким мир был когда-то, - к водопаду Аэлиндир, Падающей Слезе.

Конь, будто угадывая мои мысли, рванул с места легким галопом, унося меня от поляны, от следов борьбы, от запаха смерти. Мы мчались по древним тропам, где мох глушил стук копыт, а ветви, казалось, расступались перед нами, ненадолго возвращаясь к жизни. Я закрыл глаза, вдыхая воздух, который с каждым шагом становился чище, теряя сладковатую вонь тления. Ему, этому лесу, и мне, его королю, нужно было одно и то же - смыть с себя это утро. Смыть липкий налет страха, едкую копоть ненависти и горький привкус неизбежного конца, который висел в воздухе, гуще осеннего тумана. На мгновение, под рев живой, падающей воды, я хотел забыть о войне, которая не закончится с нашей победой, ибо победы не будет, и о тихом вымирании, которое страшнее любого боя. Я просто хотел услышать, как плачет водопад, один на всех - и за эльфов, и за оборотней, и за всю умирающую Лавию.

Глава 2

Заркан

Я стоял на пороге родильной пещеры, и этот счет отдавался в висках тяжелым, мертвенным звоном. Десять новых дыханий, смешавшихся с привычным смрадом пота, молока и влажной шерсти. Десять парящих комочков, прижавшихся к исхудавшим телам матерей. Десять голодных ртов.

Не гордость распирала грудь, а ледяная, тошнотворная жуть. Каждый новорожденный волчонок был гвоздем в крышку нашего общего гроба. Я - Альфа, вождь, отец стаи. А что я мог дать им? Пустые желудки и вид на черную язву болот, что подбиралась к нашим стенам с каждым восходом луны. Земли ужимались, словно шкура на костре. Дичь, некогда кишашая в чащобах, стала призраком. Охотники возвращались с пустыми руками и потухшими глазами, и в их взгляде я читал немой вопрос, который скоро превратится в обвинение.

Эльфы. Мысль о них вскипела в крови, горячей и горькой. Их проклятый Эллендор все еще ломился от жизни. Они, с их вечной, надменной грацией, владели плодородными долинами и чистыми реками. И что они с этим делали? Собирали ягоды, пили росу и любовались на свои хрустальные башни! Их женщины рожали раз в сто лет, их род таял на глазах. Зачем им столько пространства? Просто чтобы лю-

боваться закатом?

Я пытался говорить. Посылал парламентаров с белыми флагами. Ответом были изящные стрелы, вонзающиеся в глотки моих посланников. Они не видели в нас разумных существ - лишь диких зверей, подлежащих истреблению. Они вырезали логова, не щадя ни старейшин, ни щенков. И да, мы платили им той же монетой. Эта война стала порочным кругом, где оба танцора истекают кровью, упрямо отказываясь упасть первым.

Но они правы в одном. Мы исчезнем. Все. И это их вина. Проклятие. Я не знал деталей, но в легендах стаи жила память: когда-то миром правили Ангелы. Это была эпоха баланса. А потом пришли эльфы. Их магия, их жажда власти возмутили небесный порядок. И небеса ответили Черной Скорбью - болотами, что пожирали мир. Эльфы погубили себя сами, а теперь тянули в небытие всех остальных. Ярость, жгучая и бессильная, требовала выхода. «Охотиться, - пронеслось в голове. - Добыть пищу. Или сдохнуть с честью.»

Я отдал приказ всем боеспособным самцам прочесать окрестные леса, зная, что это даст лишь горсть костей. А сам, не сказав никому, двинулся к границе. К запретной черте. И тут, словно насмешка судьбы, я его увидел. Олень. Великолепный, сильный самец. Гора мяса. Спасение для десятка щенков. Радость, дикая и первобытная, ударила в голову. Я забыл обо всем - об опасности, о стражниках. Зверь во мне взял верх над вождем. Я ринулся вперед. И в этот миг из-

за деревьев, бесшумно, как тени, возникли они. Эльфийские дозорные. Оленя я не поймал. А вот сам угодил в ловушку. Магические путы опутали мое тело, вызывая жгучую боль, подавляя волчью суть. Идиот. Просто идиот.

А потом появился ОН. Лариэль. Повелитель эльфов. Он подъехал на своем белом коне, и мне показалось, что сама смерть смотрит на меня глазами цвета старого золота - холодными, безразличными.

- Что привело тебя в мой лес, щенок? - спросил он. Голос был ровным, как гладь озера перед бурей.

- Охотился, - выдохнул я вслух, ненавидя собственную слабость.

- А что, в ваших лесах всю живность переловили?

Насмешка в его тоне заставила меня оскалиться. «Злорадство.»

- Наши семьи голодают! А вас и так немного осталось, - бросил я, пытаюсь вернуть себе крупницу достоинства.

- Может, не стоит так плодиться?

Удар пришелся точно в больное место. Я и сам ловил себя на этой мысли. Но признать это перед врагом? Никогда.

- Наши мужчины сильны! А женщины плодовиты! - прорычал я. - А ваш род скоро исчезнет! Наших волков становится все больше! Мы уничтожим вас и займем ваши земли!

Лариэль наклонился, и его шепот был острее любого клинка.

- Даже если вам удастся стереть нас с лица Лавии... что

вы получите? Мир, отравленный до самого сердца. Черную гниющую пустыню. Вы умрете последними.

Я вздрогнул, потому что знал - это правда. Чистая, неоспоримая, страшная правда. Наша ярость, наша борьба - всего лишь агония.

Меня повели прочь, грубо подталкивая. Я шел, отстраняясь от их прикосновений. Хорошо хоть, они не догадались, что пленили Альфу. В этом была крошечная надежда. Или еще большая унижительность.

Дорога во дворец эльфов была путем позора. Мы шли по тропам, которые я видел лишь издалека, с вершин скал. Здесь пахло иначе. Не болотной тиной, не вонью нашей логовищной тесноты и не кровью. Здесь пахло хвоей, влажной землей и чем-то холодным, цветочным, сладковатым - возможно, самой их магией. Воздух был чистым, и от этого еще сильнее сводило скулы. Я видел деревья, не тронутые гнилью, увитые серебристым мхом. Видел ручьи с водой такой прозрачной, что в ней, как на ладони, лежали каждый камешек, каждая песчинка. Охранники, высокие, прекрасные и безразличные, как изваяния, тыкали в меня древками копий, если я замедлял шаг, чтобы перевести дыхание. Я пытался запомнить путь, но ландшафт менялся, будто сам лес подчинялся их воле, и все сливалось в зеленый, золотой и серый туман унижения и ярости.

Потом - каменные стены, ворота, вырезанные из какого-то светлого дерева с живым рисунком, и двор, вымощенный

гладким камнем. Нас обступили. Дети, женщины, воины - все эльфы. Они не кричали, не бросали камни. Они молча смотрели. Их взгляды - любопытные, брезгливые, холодные - скользили по мне, как по невиданному, но опасному насекомому. Их молчание было громче любых проклятий. Я старался держать голову высоко, но цепь на запястьях и мерзкое чувство беспомощности заставляли мышцы шеи деревенеть. Кто-то из молодых воинов презрительно фыркнул. Женщина с лицом, прекрасным и холодным, как лунный свет, отвернулась, прикрыв нос тонкими пальцами. И я понимал почему. Я вонял. Вонял отчаянием, грязью, кровью и той животной жизнью, которую они так презирали.

Потом - спуск. Вниз, по винтовой лестнице, высеченной в скале. Воздух становился тяжелее, холоднее, влажнее. Свет от факелов в руках стражников бросал на стены пляшущие, уродливые тени. И наконец - камера. Вонючая, промозглая. Полутьма. В углу - деревянное ведро, от которого несло аммиаком. На пол брошена охапка прелого сена, пахнущего плесенью и пылью. Мне развязали руки, онемевшие и покрытые багровыми полосами от веревок, но на шею надели холодный, тяжелый ошейник с цепью, уходящей в стену. Металл был странно теплым на ощупь и испещренным мелкими, светящимися в темноте рунами. При каждом движении, при каждой попытке напрячься, руны вспыхивали тусклым синим светом, и по телу пробегала волна слабости, выжигая изнутри остатки звериной силы. Я мог сделать пару шагов,

не больше. Цепь позволяла лишь лечь на это гнилое сено или сидеть, прислонившись к стене.

Дверь - массивная, дубовая, окованная полосами того же рунического металла - захлопнулась с глухим, окончательным стуком. Звук засова, щелчок замка. Тишина. Тяжелая, давящая, живая. Ее нарушало лишь редкое падение капли воды где-то в темном углу, да собственное тяжелое дыхание. Я опустился на солому, которая хрустнула и выпустила облачко горькой пыли. Откинул голову на холодный, влажный камень стены. Боль в мышцах, жжение от магических пут, пульсация в висках от удара, полученного при задержании - все это слилось в один сплошной гул страдания. Но физическая боль была ничто по сравнению с той, что сидела глубоко внутри, в самой сердцевине.

Лариэль прав. Еще одно столетие... и от моей стаи не останется и следа. Так же, как и от эльфов. Войны, казни... все это бессмысленная суета на краю могилы. Я видел это каждый день. Видел, как щенки, рожденные две луны назад, уже не резвятся, а лежат, слабо поскуливая, с впалыми животиками. Видел, как самки теряют шерсть и блеск в глазах от постоянного недоедания и страха. Видел, как охотники, самые сильные и яростные, возвращаются с пустыми руками и в их взгляде появляется что-то новое, страшное - не просто голод, а тень каннибализма, взгляд, блуждающий не по лесу, а по спине слабейшего в стае. Мы ели уже корни, которые прежде считали ядовитыми. Пинали землю в поисках

червей.

А болото подбиралось все ближе, и с ним приходил новый запах - не просто гнили, а чего-то злого, сознательного, что испытывало голод, похожий на наш, но в миллион раз более древний и ненасытный.

И эльфы... Они сидели в своей крепости из красоты и магии, наблюдая, как мы тонем. Для них мы были лишь симптомом болезни, частью Проклятия, а не его жертвами. Самыми первыми жертвами. Я закрыл глаза, и передо мной встали не образы мести, а лица моей стаи. Лиана, моя сестра, пытающаяся улыбнуться, кормя очередного щенка, хотя молока в ее груди уже почти нет. Старый Гарт, хранитель легенд, чьи глаза помнили времена, когда болота были лишь слухом. Молодые самцы, чья ярость скоро обратится внутрь, если не найдется враг снаружи. И десять новых жизней в той пещере. Десять голодных ртов, которые будут требовать невозможного. Что я скажу им, когда они вырастут? Что их отец-Альфа, вождь, был настолько глуп и отчаян, что попался, как щенок на приманку, погнавшись за призраком сытости? Что я обрек их на смерть в этой дыре, пока сам буду гнить в эльфийской тюрьме?

Чудо. Только чудо может спасти Лавию. Но чудеса, как и Ангелы, покинули этот мир. Их вытеснила жестокая, неумолимая реальность голода и тления. Может, Лариэль и был прав в своем холодном, безэмоциональном анализе. Может, наша гибель уже прописана в самой ткани этого мира, и все

наши борьба и ярость - лишь последние судороги. А может, чудо - это не что-то, приходящее извне. Может, это последняя, отчаянная ставка, на которую еще способно живое существо, загнанное в угол.

С такими черными, безысходными мыслями я провалился в тяжелый, тревожный сон, полный образов увядающих лесов, плачущих щенков и безразличного золотого взгляда Лариэля. Но сквозь этот сон, словно из глубин самой земли, доносился другой звук - не плач, а тихое, настойчивое шипение. Шорох ползущей грязи. И запах, уже знакомый и вселяющий первобытный ужас, - запах черного болота, который, казалось, просачивался сквозь толщу камня, напоминая, что настоящая тюрьма не здесь, в этой камере. Настоящая тюрьма - это мир, медленно превращающийся в склеп для всех, кто в нем остался. А мы все, и эльфы, и оборотни, были лишь его обреченными обитателями, еще не осознавшими окончательно, что дверь на свободу для нас замурована навсегда.

Глава 3

Вероника

Первым пришло осознание боли. Раскатистой, густой, пульсирующей в висках с такой силой, что казалось, череп вот-вот треснет. Я застонала, пытаюсь приподнять веки, склеенные чем-то липким. Не свет, а какое-то гнетущее, серо-черное марево ударило по глазам. И запах... Сладковато-приторный, тяжелый запах гниения, смешанный с запахом влажной земли и чего-то химически-едкого.

Я лежала, вернее, полусидела, погруженная по пояс в непонятную субстанцию. Не вода. Вода не бывает такой плотной, такой вязкой. Черная, маслянистая жижа медленно колыхалась вокруг, покрывая мои ноги и руки липкой пленкой. Паника, острая и слепая, сжала горло. Я рванулась, пытаюсь встать, и с противным хлюпающим звуком выбралась на твердую, покрытую мхом и щебнем почву.

«Где я?» Вопрос повис в воздухе, безответный и пугающий. Вокруг простирался унылый, выцветший пейзаж. Хмурое, свинцовое небо, чахлые, искривленные деревья с редкой, пожухлой листвой, и повсюду - пятна той самой черной жижи, пузырящейся и ползущей, как живой организм. Мысль, от которой кровь застыла в жилах, пронзила сознание: я умерла. Удар машины, темнота... и это? Это ад? Или какая-то другая, чужая реальность? Я всегда любила книги

про попаданок, тайком зачитываясь ими в перерывах между дежурствами, но в тех историях героинь всегда встречали роскошные замки и прекрасные принцы. Здесь же пахло только смертью и тлением.

- Так, Вероника, - проговорила я вслух, и собственный голос, хриплый и слабый, прозвучал жалким щебетом на фоне этого безмолвия. - Тебе, как всегда, не везет. Ни принцев, ни белых коней не предвидится. Да и кто позарится на грязную, промокшую до костей страшилку?

Слова были попыткой взять себя в руки, но внутри все сжималось от страха. Дрожащими руками я попыталась стряхнуть с себя крупные комья грязи. Она засохла коркой, вызывая нестерпимый зуд по всему телу. Нужно было двигаться. Под лежащий камень вода не течет, а здесь и камня-то не было, лишь эта черная пакость. Я побрела в сторону чахлого леса, надеясь найти хоть какой-то источник чистой воды. Жажда становилась все нестерпимее, обжигая горло. Без еды я, пожалуй, могла продержаться несколько дней, но без воды... мысль была слишком страшной.

Я шла, спотыкаясь о корни, не меньше часа, а может, и всего десять минут - время здесь текло иначе. И вдруг сквозь общую гнетущую тишину прорвался долгожданный звук - шум, переходящий в грохот. Водопад. Сердце забилось чаще. Я побежала на звук, раздвигая колючие ветки, и вышла на небольшую поляну. Дыхание перехватило.

Этот уголок казался осколком другого, прекрасного мира.

С высокого скального уступа с шумом низвергались струи чистейшей, искрящейся воды, разбиваясь о гладь изумрудного озера. Воздух здесь был другим - свежим, напоенным влагой и ароматом мха и диких цветов. Контраст с тем, что было там, за лесом, был настолько разительным, что по щекам сами потекли слезы облегчения.

Я бросилась к воде и, не раздумывая, стала жадно пить, зачерпывая ладонями. Вода была ледяной, чистой и вкуснейшей, что я пробовала в жизни. Утолив жажду, я посмотрела на свое отражение. Из воды на меня смотрело испуганное, перепачканное грязью существо с спутанными волосами. Решение пришло мгновенно. Нужно было смыть с себя всю эту скверну.

С дрожью в пальцах я стянула с себя грязную, прилипшую к телу одежду. Белье тоже было в черных разводах. Подумав секунду, я сняла и его. Бегать потом в мокром и грязном не было ни малейшего желания. Собрав свою одежду в кучу, я решила сначала искупаться, а потом постирать ее и высушить. Меня согревала лишь одна мысль - здесь было тепло. Оказаться в этом мире зимой... я бы не выжила и дня.

С визгом, от которого с ближайшего дерева слетела стайка диковинных птиц, я вбежала в озеро. Холод обжег кожу, заставив сердце выпрыгнуть из груди. Чтобы согреться, я поплыла, направляясь к самому водопаду. Под его мощными струями я встала, закрыв глаза, и позволила воде омыть меня с головы до ног. Это было не просто купание. Это было

очищение. Ощущение было таким сильным, почти мистическим. Казалось, вода смывает не только грязь, но и всю тяжесть прошлой жизни - боль потери, одиночество, страх. Я чувствовала, как что-то меняется внутри.

Я провела руками по волосам, и они... скользили. Как шелк. Я взяла прядь и подняла перед лицом. Дыхание застряло в горле. Мои волосы, всегда светлые и густые, но все же обычные, преобразились. Они стали длиннее, намного длиннее, теперь их серебристо-белое сияние покрывало мои бедра. Цвет из пшеничного превратился в оттенок лунного света, а на ощупь они были как самый дорогой атлас. Что это было? Волшебство? Вода этого водопада?

Ошеломленная, я поплыла обратно к берегу. И замерла. На том самом берегу, у дерева, на которое я бросила свою одежду, стоял Он. Мужчина. Нет, это слово было слишком обыденным для того, кого я увидела. Он был прекрасен, как небесное видение. Стройный, но с мощью, читающейся в каждом мускуле, его торс был облачен в темную, почти черную рубашку из тончайшей ткани. Ворот был расстегнут, открывая сильную шею и линию ключиц. На его согнутой руке небрежно висел плащ из ткани, переливающейся, как жемчужная раковина. Волосы цвета спелой пшеницы ниспадали мягкими волнами на плечи, обрамляя лицо с чертами, высеченными будто из мрамора. Но больше всего поражали глаза - огромные, миндалевидные, цвета весенней сирени, аметистовые. Сейчас эти глаза, широко раскрытые, были прикова-

ны ко мне.

- Кто ты, прелестная дева? - его голос был низким, бархатным, и каждый звук отзывался в моем теле сладкой дрожью.

Я застыла, погруженная в воду по самые плечи, чувствуя, как горит все мое лицо.

-Отвернитесь, прошу вас! - выпалила я, пытаюсь прикрыться руками. - Я... я не одета.

- Неужели ты думаешь, я никогда не видел нагого тела? - в его голосе прозвучала легкая, теплая усмешка. - Выходи, пока не замерзла окончательно. Вода здесь ледяная.

Он был прав. Я дрожала, как осиновый лист. Стиснув зубы, я приняла решение. Собрав распущенные волосы и распределив их так, чтобы они прикрыли грудь, и скрестив руки ниже пояса, я вышла из воды. Я чувствовала каждый его взгляд на своей коже, будто прикосновение. Добежав до дерева, я спиной к незнакомцу натянула лифчик и трусики, все еще мокрые и холодные. Потом я опустилась на траву, прижала колени к груди, обхватив их руками, и только тогда подняла на него глаза.

- Может, вы перестанете так пристально меня разглядывать? - голос мой дрожал не только от холода. - Это... не тактично. Мы даже не знакомы.

- Исправлю это досадное упущение, - произнес он, и его бархатный тембр снова заставил мое сердце бешено колотиться.

Он приблизился и присел рядом, его движения были пол-

ны изящной, хищной грации. Его пальцы, длинные и утонченные, коснулись моего плеча, и по коже побежали мурашки.

- Ты вся ледяная, - тихо сказал он и, сбросив с руки плащ, набросил его на мои плечи.

Я тут же укуталась в невероятно мягкую, согревающую ткань. От него пахло лесом после дождя, диким виноградом и чем-то неуловимо древним, магическим.

- Как твое имя? - он подвинулся ближе, и его аметистовые глаза заглядывали в мои, словно пытаясь прочесть самую душу.

- Вероника, - прошептала я, потерявшаяся в этом взгляде.

- Вероника, - он произнес мое имя нарастающим, и оно зазвучало как заклинание. - Необычное. Словно с другого света. Откуда же ты, волшебная Вероника?

Он приблизил свое лицо, и я закрыла глаза. Его губы коснулись моих. Сначала нежно, почти несмело, а затем с нарастающей страстью. Это был не просто поцелуй. Это было землетрясение. Внутри все взорвалось фейерверком из искр, по телу разлилось тепло, а в душе запорхали тысячи ослепительных бабочек. Его язык коснулся моего, и я ответила, забыв обо всем. Его руки обвили меня, прижимая к его твердой груди, одна ладонь скользила по моей спине, заставляя трепетать каждую клеточку.

Разум, затуманенный желанием, пытался протестовать. «Ты ничего о нем не знаешь! Где ты? Кто он?» Я слабо упер-

лась ладонями в его грудь, пытаясь отодвинуться, но мои руки не слушались, они хотели притянуть его ближе.

С сожалением, похожим на стон, он оторвался от моих губ. Мы оба тяжело дышали. Я горела от стыда и невысказанного желания. Рывком я отпрянула от него.

- Ты, видимо, обознался! - выкрикнула я, закутываясь плотнее в плащ. - Я не продажная девка, с которой можно так себя вести!

- Прости, - его голос дрогнул, он провел рукой по своему лицу, и в его глазах читалось искреннее смятение. - Я и сам не понимаю, что на меня нашло. Какие чары ты на меня навела? Противостоять этой силе... невозможно. Меня тянет к тебе, как магнитом. Я в жизни не вел себя так недостойно.

Он поднялся на ноги и сделал изящный, почтительный поклон.

-Позволь представиться. Меня зовут Лариэль. Я правитель эльфов.

- Лариэль... - прошептала я, вслушиваясь в мелодику имени. Сердце ушло в пятки. - Ты... правда эльф?

Я встала, кутаясь в его плащ, и сделала шаг. Моя рука сама потянулась к нему. Я осторожно, отодвинула прядь его волос и коснулась уха. Оно было изящным, с красивым, острым кончиком. Кожа там была на удивление нежной и горячей. Я провела по ней кончиком пальца. Лариэль резко вздрогнул, его глаза закрылись, и он с силой привлек меня к себе, прижав так, что плащ едва не соскользнул с моего плеча.

- Что же ты со мной делаешь? - простонал он, и в его голосе была не только страсть, но и отчаяние.

И тут я вспомнила. Из тех же книг о фэнтези. Уши эльфов... это одна из самых чувствительных зон, нечто сокровенное и интимное. Но отодвинуться уже не получалось. Его поцелуи снова обрушились на меня, но теперь в них была новая, дикая, неистовая нота. Его руки скользили под плащом, касаясь моей кожи, и я тонула в этом ощущении, теряя связь с реальностью.

В голове пронеслась последняя, отчаянная мысль: «Я пропала!»

И мир исчез. Не в обмороке. Нет. Он буквально распался на миллионы сверкающих частиц, растворившись в ослепительной, белой вспышке.

Глава 4

Лариэль

Тишина водопада Аэлиндир была единственным лекарством от грохота войны, что вечно звучал в моей голове. После утреннего допроса того оборотня и мрачных размышлений о будущем, которое мы все делили, мне нужно было это место. Его шепот омывал душу, смывая налет скверны от прикосновения к существу, пропитанному ненавистью и отчаянием. Привязав Сильвана в роще, я направился к озеру по знакомой, извилистой тропе. Воздух здесь всегда был чище, пах хвоей и влажным камнем. И тут я замер.

Вода, обычно подернутая лишь рябью от падающих струй, вздымалась и пенилась. И в центре этого водоворота была она. Создание из света и лунного серебра. Ее волосы, струящиеся по обнаженной спине до самых бедер, казались, сотканы из жидкого жемчуга. Она стояла под самой стеной воды, запрокинув голову, и струи, разбиваясь о ее плечи, рассыпались миллиардом алмазных брызг. Я видел гибкий изгиб позвоночника, сияющую кожу, очертания стройных ног... и почувствовал не просто вожделение. Это было иное. Острое, щемящее чувство, похожее на удар током, на внезапно вспыхнувшую в темноте звезду. Что-то в моей груди, давно уснувшее, сжалось и забилось в тревожном, непривычном ритме.

Она не видела меня. Погруженная в свои ощущения, она плыла, и ее движения были полны такой естественной, не знающей оков грации, что завораживало. Лишь у самого берега, вынырнув, она заметила мое присутствие. Ее глаза, синие, как глубины небес в ясный день, расширились от испуга.

- Кто ты, прелестная дева? - сорвалось с моих губ, и даже мне мой голос показался чужим, приглушенным.

- Отвернитесь, мне надо выйти из воды, - ее голос был мелодичным.

Мне следовало бы уйти. Дать ей уединение. Но ноги будто вросли в землю. Я не мог отвести взгляд.

- Неужели ты думаешь, я стану отворачиваться от такого зрелища? - я позволил себе легкую улыбку, пытаюсь скрыть охватившее меня смятение. Но затем трезвая мысль вернулась: вода была ледяной, даже для эльфа. - Выходи. Ты замерзнешь насмерть.

Она колебалась, и я видел, как гусиная кожа покрывает ее плечи. Наконец, плюнув на стыд, она вышла. И я, видевший за века немало прекрасных тел, застыл в немом изумлении. Это не была просто физическая красота. Это было совершенство. Каждая линия, каждый изгиб будто были созданы самой природой в порыве высшего вдохновения. Она, стараясь прикрыться мокрыми прядями волос, проскользнула к дереву и натянула какие-то жалкие, мокрые лоскуты ткани, которые лишь подчеркивали, а не скрывали ее наготу. Затем она опустилась на траву, обхватив колени, и ее взгляд, пол-

ный упрека и вызова, встретился с моим.

- Неужели в ваших обычаях столь бесцеремонно рассматривать незнакомок? - в ее тоне звучала обида, и это задело меня за живое.

Я утонул в синеве ее глаз. Это были не просто глаза. Это были врата в иной, неизвестный мне мир.

- Прости мою бестактность, - сказал я, присаживаясь рядом, вопреки всякому этикету. - Я попытаюсь ее загладить.

Она дрожала. Я почувствовал холод, исходящий от ее кожи, еще до того, как коснулся ее предплечья. Электрический разряд прошел по моим пальцам.

- Ты вся ледяная, - прошептал я, сбрасывая с плеч свой плащ и накидывая его на нее. Она жадно куталась в ткань, и вид ее, скрытой моей вещью, вызвал в душе странное чувство собственности.

- Как тебя зовут? - я приблизился, не в силах противостоять магнетизму, что исходил от нее.

- Вероника, - выдохнула она, и ее имя прозвучало как древнее заклинание, пробуждающее ото сна.

- Вероника... - я повторил, замороженный. - Откуда же ты, чья красота способна ослепить самого солнцеликого бога?

Я не помнил, кто из нас сделал это первым. Кажется, я просто не смог больше сопротивляться и коснулся ее губ своими. И мир перевернулся. Это не был поцелуй. Это было падение. Падение в бездну, где не было ни войн, ни проклятий, ни долга правителя. Была только она - ее вкус, ее дыха-

ние, мягкость ее губ. Мои руки сами обвинили ее, прижимая к себе, я чувствовал биение ее сердца в такт моему. Разум отключился, уступив место древнему, животному инстинкту. Я был готов потерять себя в ней, тут же, на этом берегу. Но она оттолкнула меня. С силой, которой я от нее не ожидал.

-Довольно! - в ее голосе звенели и гнев, и обида. - Я не игрушка для ваших утех!

Трезвость вернулась ко мне, как удар хлыста. Я отпрянул, чувствуя, как горит лицо от стыда.

-Прости... - мои руки дрожали, и я сжал их в кулаки. - Я... я не владею собой. Ты опутала меня чарами, против которых я бессилен. Я никогда... никогда не вел себя так недостойно.

Поднявшись, я сделал тот поклон, который полагается лишь коронованным особам.

-Меня зовут Лариэль. Я - властитель эльфов Эллендора.

И тогда она коснулась меня. Ее пальцы, нежные и холодные, откинули прядь моих волос. А потом прикоснулись к моему уху. Это было сокровенней, чем любая интимность. Глухой стон вырвался из моей груди, и я, уже не помня себя, вновь схватил ее в объятия. На этот раз в ее ответном поцелуе не было сопротивления, лишь такая же безумная, всепоглощающая жажда.

Мы опустились на мягкий мох, и плащ скользнул с ее плеч. Мои губы оторвались от ее губ, чтобы исследовать шею, ключицы, а затем - затвердевшие, невероятно нежные бутоны ее груди. Она выгнулась, и ее тихий стон прозвучал.

чал для меня громче любой победы. Моя рука скользнула по плоскому животу, ниже, к тому сокровенному месту, что было скрыто жалкими остатками ее одежды. Я почувствовал, как все ее тело вздрогнуло, когда мои пальцы нашли ту самую чувствительную жемчужину, скрытую в нежных складках. Ее дыхание участилось, превратившись в прерывистые вздохи. Я ласкал ее, погружаясь в каждое движение, в каждый звук, который она издавала, пока ее тело не затрепетало в первой, сокрушительной волне наслаждения.

Лишь тогда, когда ее спазмы стали затихать, я почувствовал, что больше не в силах ждать. Я освободился от одежды и медленно, давая ей привыкнуть, вошел в нее. Она вскрикнула от внезапной боли, и я замер, чувствуя, как ее тело сжимается вокруг меня. Она оказалась невинна. Я был приятно поражен. В ее глазах блеснули слезы, но она не оттолкнула меня, а лишь сильнее впиалась пальцами в мои плечи. Эта хрупкость, это доверие, смешанное с болью, пронзили меня острее любого клинка.

- Все хорошо... - прошептал я, целуя ее веки, ее слезы. - Я с тобой.

Я начал двигаться, сначала медленно, осторожно, затем все увереннее, находя свой ритм. Ее стоны стали глубже, страстнее, ее бедра начали встречать мои толчки. Ее серебристые волосы разметались по мху, создавая ореол вокруг ее запрокинутой головы. Я чувствовал, как внутренние мышцы сжимаются вокруг меня, и это свело меня с ума. Ее второе,

еще более мощное пиковое переживание стало сигналом и для меня. С ее именем на устах я достиг кульминации, проваливаясь в пучину блаженства, которое стерло все границы между нами.

Мы лежали, тяжело дыша, сплетенные в объятиях. Внутри бушевало странное, непривычное чувство. Не просто удовлетворение. Нечто большее.

- Ты теперь моя, - прошептал я, не как приказ, а как констатацию неоспоримого факта, рожденного самой судьбой.

Она лишь кивнула, прижимаясь ко мне, и в ее молчании было больше согласия, чем в любых клятвах.

- Я подарю тебе все сокровища Лавии, - пообещал я, желая осыпать ее всеми благами, какие только были в моей власти.

- Все, что пожелаешь, будет твоим.

- Мне ничего не нужно, - ее тихий, но твердый голос прозвучал как откровение. - Только быть рядом.

Ее слова поразили меня сильнее, чем ее красота. В моем мире каждый что-то просил, чего-то добивался. А она... она просто хотела быть. Рядом. Со мной. Впервые за долгие века я почувствовал нечто, отдаленно напоминающее покой.

- Скажи мне, кто ты? - спросил я, вглядываясь в ее черты.

- Ты не эльфийка. И уж конечно не из породы оборотней.

- Я... человек, - ответила она.

Человек? Этой расы не существовало в летописях Лавии. Никогда. Загадка, окутанная еще большим ореолом таинственности.

- Поедем со мной, - сказал я, поднимаясь и протягивая ей руку. - Во дворец. Ты должна отдохнуть, а потом... потом ты расскажешь мне все.

Она согласилась. Закутав ее в свой плащ, я посадил ее перед собой на Сильвана. Она прижалась ко мне спиной, и ее рука легла на мою, лежащую на поводьях. Это простое доверительное прикосновение наполняло меня таким странным, щемящим чувством, которого я не знал. Я скакал через свои владения, и вдруг осознал: все эти века я правил, сражался, пытался сохранить то, что осталось. Но лишь сейчас, с этой загадочной девушкой в своих объятиях, я почувствовал, что обрел нечто настоящее.

Глава 5

Вероника

Лариэль привез меня во дворец. Мраморные стены, устремленные ввысь арки и воздушные галереи вызывали легкое головокружение. Я ловила на себе взгляды слуг - не скрытые улыбки, а холодное, отстраненное любопытство. Я чувствовала себя случайным пятном на безупречном полотне их мира.

Его спальня... это была не просто комната. Стены цвета утреннего неба, резная мебель из светлого дерева, а в центре - огромная кровать под струящимся балдахином из серебряистой ткани. Одна из дверей вела в ванную комнату, и мое сердце учащенно забилося от предвкушения.

«Осваивайся, а я распоряжусь насчет одежды и еды», - сказал Лариэль, и его уход оставил после себя звенящую тишину.

Я опустилась на край ложа, проводя ладонью по шелковому покрывалу. Прошлая жизнь отступала, словно дурной сон. Прекрасный принц, дворец, всепоглощающая страсть... Разве не об этом тайно вздыхает каждая девушка? Вспоминать было нечего - лишь пустота после бабушки и вечная отстраненность матери. А здесь... здесь я была жива, как никогда.

В комнату постучали. Вошли несколько эльфиек с невоз-

мутимыми лицами, неся ворох одежды и поднос с яствами.

- Позвольте помочь вам привести себя в порядок, - произнесла одна, и в ее голосе я уловила не брезгливость, а скорее сдержанное недоумение.

- Благодарю, я справлюсь сама, - ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Они ушли, но одна, самая юная, осталась.

- А ты? - спросила я.

- Госпожа, мне приказано быть вашей личной служанкой, - она сделала легкий реверанс. - Мое имя Лиэль. Не обращайтесь внимания на других. Они из знатных семей. А мой отец - садовник, мать - прачка. Вы можете мне доверять.

Ее искренность тронула меня. Я позволила ей помочь. Лиэль наполнила огромную, похожую на бассейн, ванну, добавив ароматных масел. Пока я погружалась в благоухающую воду, она подобрала наряд. Позже, когда я вышла и завернулась в простыню, мне понадобилась, для естественных потребностей, уединенная ниша за ширмой. К моему удивлению, система оказалась умной - вода ушла сама, без моего участия. Лиэль пояснила, что так устроена магия дворца.

На кровати уже ждало платье - струящееся, цвета лунного света. Лиэль накинула на меня тончайшую шелковую сорочку и усадила перед зеркалом, чтобы расчесать волосы. И тут я увидела свое отражение и замерла. Лиэль встревожилась

- Вам холодно? Я разожгу камин.

Холодно не было. Я была в шоке. В зеркале смотрела на

меня не я, а мое идеальное воплощение. Кожа стала фарфоровой, щеки тронул нежный румянец. Мои когда-то серые глаза стали глубокими, бездонно-синими. Брови и ресницы - густые и идеально очерченные. Губы - алые и пухлые без всякой помады. А волосы... эти серебристые волны, ниспадающие до бедер. И тело... Тонкая талия, соблазнительные изгибы бедер, высокая, упругая грудь, чьи темно-розовые вершины просвечивали сквозь шелк. Так вот почему его влечение было столь мгновенным и сильным. Неужели удача наконец повернулась ко мне лицом?

Дверь открылась, и в комнату вошел Лариэль. Лиэль бесшумно исчезла.

- Вероника, ты - само совершенство, - его голос был низким и густым, как мед.

Он приблизился, и его губы нашли мои. Что было дальше, я помню смутно, как сквозь туман страсти. Я не поняла, как оказалась на постели, прижатая его телом. Я горела и возрождалась в его объятиях, взлетая к пику снова и снова. Его прикосновения были искусством - он знал, как заставить мое тело петь. Его губы исследовали каждый дюйм моей кожи, а когда он заполнял меня, медленно и властно, я теряла дар речи, способная лишь издавать сдавленные стоны. Волны наслаждения накатывали одна за другой, сотрясая меня до глубины души. Это было не просто совокупление; это было слияние, магия.

- Ты станешь моей женой? - его вопрос, заданный в проме-

жутке между ласками, прозвучал как единственно возможное продолжение.

- Да! - воскликнула я, не раздумывая, опьяненная им и этим миром.

Позже, лежа в сплетении конечностей, он смотрел на меня, перебирая прядь моих волос.

- Проси что угодно, и я положу это к твоим ногам, - прошептал он.

- Я хочу есть,- призналась я.

Он ахнул, словно совершил оплошность, и стремительно наполнил тарелку изысканными закусками с подноса. Пока я утоляла голод, он ненадолго вышел и вернулся с небольшой шкатулкой.

- Мой подарок тебе, моя невеста, - в его руках оказался изящный браслет - золотая лента, усыпанная сапфирами, цвет которых повторял мои новые глаза. - Теперь это официально. Я отдам распоряжение о подготовке к свадьбе.

Он поднес к моим губам виноградину. Я взяла ее, и мой язык нечаянно коснулся его пальцев. Лариэль сомкнул веки, и по его телу пробежала дрожь.

- Это безумие... Желание снова обладать тобой неутолимо.

- Тогда я лучше поем сама, - улыбнулась я, забирая у него гроздь. Мне всегда нравился виноград. - Расскажи мне о своем мире. Я догадываюсь, ты не отсюда, - попросил эльф.

Я подтвердила его догадку и рассказала о своем проис-

хождении, о похоронах бабушки и о том, что, видимо, умерла в своем мире.

- В наших древних хрониках есть записи о подобном, - кивнул он. - Случалось, что иномиряне появлялись здесь. Лет пятьсот назад.

- И что с ними становилось?

- История умалчивает. Думаю, они так и прожили свой век. Но... наши расы несовместимы. Потомства от таких союзов не бывало.

- Значит, у нас не будет детей? - ужаснулась я.

- Поверь, в нашем положении это даже к лучшему, - в его голосе прозвучала непривычная грусть.

- Что ты имеешь в виду?

- Сначала расскажи о своем мире, - попросил он, ложась рядом и закрывая глаза.

Я кратко описала ему Землю, людей, технологии, пытаюсь объяснить самолеты и машины. Когда я закончила, наступила ночь, и настал его черед.

- Несколько столетий назад, - начал он, и голос его стал торжественным и печальным, - в Лавии сосуществовали три расы: эльфы, оборотни и ангелы. Ангелы правили, поддерживая баланс. Но потом... началась война. Ангелы прокляли эту землю и ушли через портал в иные миры. С тех пор Черная Скорбь - эти болота - медленно пожирает наш мир. Через несколько десятилетий от Лавии ничего не останется. Мы все умрем. Мы обречены.

Он опустил голову. Я, потрясенная, гладила его волосы.

- И нет никакого спасения?- спросила я с последней надеждой.

- Если и есть, мне оно неведомо. Разве что... если бы ангелы вернулись и сняли проклятие.

- Это ужасно...

- Но теперь у меня есть ты,- он поднял на меня свои амethystовые глаза. - И я верю, что мироздание не стало бы переносить тебя из одного умирающего мира в другой без причины. Ты - моя надежда.

- Я молюсь, чтобы ты был прав.

Я нежно поцеловала его, и он крепко обнял меня.

- А ты покажешь мне оборотней? - спросила я после паузы.

- К чему тебе эти блохастые псы? - удивился он.

- В моем мире я очень любила животных. Особенно собак.

- Что ж, ладно, - нехотя согласился он. - Завтра как раз казнь одного из них.

- Казнь? За что?»

- Он охотился на моих землях.

- Но ты же сам сказал, что из-за болот всем не хватает еды!

- Моя обязанность- заботиться о своем народе, а не кормить оборотней! - его голос зазвенел, как лед.

Меня пронзила неприятная дрожь. Увидев мое выражение лица, он замолчал и потянулся к моим губам, но я отвернулась.

- Если так, я пойду, - сказал он обиженно и встал. - Утром будь готова встретиться со своим «желанным» оборотнем!

Дверь захлопнулась. Я легла, чувствуя тяжесть на сердце, и почти сразу провалилась в сон. Мне снилось, что я лечу над бескрайним черным болотом, что-то ищу. Впереди мерцал свет, но он все время отдалялся. Силы оставили меня, и я стала тонуть. Липкая жижа затягивала меня, сдавливая грудь. Я закричала...и проснулась от того, что меня трясли.

- Вероника!Проснись!

- Что случилось? - я с трудом вынырнула из остатков кошмара.

- Ты кричала так, что я услышал у себя в покоях.

- Мне приснился ужасный сон...

Он сел на край кровати и обнял меня.

- Прости за сегодня. Я больше не буду так резок. Я останусь здесь, чтобы отгонять твои кошмары.

Его поцелуй был сладким и долгим, смывая следы сна и обиды.

- Я позову Лиэль. Уже утро. Ты ведь не передумала? Насчет оборотня?

- Нет! - воскликнула я, спрыгивая с кровати с новым жарким любопытством.

- Собирайся, я распоряжусь о завтраке.

Когда он вышел, в комнату впорхнула Лиэль. Она помогла мне надеть платье цвета небесной лазури с золотой вышивкой и заплела волосы в сложную косу, выпустив несколько

мягких локонов вокруг лица.

В столовой мы с Лариэлем быстро позавтракали кашей со свежими ягодами. Взяв меня за руку, он повел меня во внутренний двор. Там, под хмурым небом, стоял эшафот. У его подножия - мужчина. Мое внимание сразу привлекла его мощная, хищная стать, широкие плечи, мускулистый торс. Когда он поднял голову, наши с ним взгляды встретились, и что-то внутри меня екнуло. Скуластое лицо с волевым подбородком, густые брови, собранные в суровую складку, и глаза... глаза цвета темного золота, в которых горел огонь непокорности. Лариэль притянул меня к себе и подвел к самому эшафоту.

- Моя невеста пожелала взглянуть на оборотня, - громко произнес он. - Полюбуйся, любимая, на жалкого представителя их рода. И представь - он их альфа! Что, Заркан, тебе не сиделось на своих землях?

- Нужда, - коротко бросил он, не отрывая от меня горящего взгляда. Меня затягивало в этот золотистый водоворот, я слышала только стук собственного сердца.

Лариэль что-то говорил, но слова не доходили до моего сознания. Я видела только его - пленного альфу. Я очнулась, когда Лариэль собирался дать сигнал к казни.

- Постой! - вырвалось у меня. - Ты сказал, что исполнишь любое мое желание.

- Конечно, дорогая, - кивнул он.

- Отпусти его. Я не хочу, чтобы смерть омрачала наши дни

перед свадьбой.

Удивление мелькнуло в его глазах, но он тут же взял себя в руки и отдал приказ. Заркана развязали. Он спустился с эшафота и, к изумлению всех, опустился передо мной на одно колено.

- Я не знаю, кто ты и откуда, - его голос был низким и хриплым, - Но отныне моя кровь - твоя кровь. Моя жизнь - твоя жизнь. Мой дом - твой дом. Я, Заркан, альфа оборотней, приношу тебе клятву. Прими ее. - он проколол когтем палец, и алая капля, сверкнув, испарилась в воздухе. - Лишь смерть нарушит ее.

Он поднялся, и его взгляд снова пронзил меня. По телу разлился жар, губы внезапно пересохли. Я инстинктивно провела по ним языком и увидела, как в его глазах вспыхнул ответный огонь. Мне... мне захотелось ощутить прикосновение его шершавых ладоней, грубость его поцелуя... Лариэль, почувствовав мою внезапную напряженность, резко заслонил меня собой.

- Беги, пес, - прорычал он. - Пока я не передумал.

Заркан медленно направился к лесу. На самой опушке он обернулся - последний долгий взгляд, предназначенный только мне. Я не смогла сдержать легкую, смущенную улыбку. Лариэль грубо развернул меня к себе.

- Насмотрелась? - его голос шипел от сдержанной ярости. - Надеюсь, теперь ты уделишь внимание своему жениху! Не думал, что какой-то блохастый зверь сможет так заинтересо-

вать мою невесту!

Я опустила глаза, сбита с толку бурей противоречивых чувств, захлестнувших меня. Он притянул меня к себе так сильно, что у меня перехватило дыхание, и его поцелуй был не ласковым, а властным, почти жестоким, полным ревности и желания вновь утвердить свое право.

- Ты только моя! - страстно шептал он в мои губы. - Я никому не отдам тебя! Никому!

Его ревность, смешанная с желанием, была такой же опьяняющей, как и его ласка. Он подхватил меня на руки, не прерывая поцелуя, и понес во дворец, оставляя позади и эшафот, и лес, и золотой взгляд оборотня, навсегда врезавшийся в мою память.

Глава 6

Заркан

Сутки. Ровно сутки, отмеренные косым, пыльным лучом света, пробивавшимся сквозь решетку в каменном своде. Двадцать четыре часа, чтобы прочувствовать до мельчайшей шероховатости каждый холодный бугорок на каменном полу камеры, впитать кожей ледяную сырость, поднимающуюся от плит. Двадцать четыре часа, чтобы изучить каждый изъяз, каждую трещину и каждый след рыжей ржавчины на толстых железных прутьях, ставших границей моего мира. Чтобы разложить по полочкам слуха каждый звук - от размеренного, неумолимого кап-кап воды где-то в трубе, до отдаленных, звонких шагов стражи по каменным коридорам, до приглушенных стонов и рычаний других узников в этой каменной пасти. Время в заточении текло иначе, не как река, а как густая, липкая смола, растягиваясь в бесконечную, удушливую паутину, в каждом узле которой сидело унижение и клочкотала бессильная, ядовитая ярость.

Меня, Альфу клана «Кровавой Хватки», вожака стаи, кормили как самого жалкого, забитого щенка - единожды за все время сунув в клетку через узкий лаз черствую, заплесневелую корку хлеба и деревянную плошку с затхлой, пахнущей тиной водой. Голод был тупой, ноющей, сводящей желудок в тугой узел болью, но я не притронулся к этой па-

дали. Принять пищу в человеческом облике, когда внутри все сжималось от голода и звериный инстинкт, загнанный в самую глубь, требовал свежего, окровавленного мяса, было выше моих сил. Это стало бы последним, окончательным актом капитуляции, признанием их власти надо мной до самых основ. Унижение плоти я еще мог вынести. Унижение духа - нет.

Но все физические лишения были ничто, пустой звук, по сравнению с гнетущим, жгучим знанием, что я носил в себе. Знанием, которое могло бы спасти не только мой клан, но и их проклятые высокие башни, и всю Лавию. Эльфы, в своем ослепляющем, многовековом высокомерии, даже не удосужились попытаться допросить меня, выслушать. Они видели лишь шкуру, когти и клыки, дикаря у позорного столба. Они и представить не могли, что за этой внешностью скрывается разум, несущий в себе единственный ключ к нашему общему спасению от гибели, которая ползла по миру быстрее, чем их спесь.

Когда Древние Ангелы покинули Лавию в давние времена, спасаясь от хаоса, который, как гласят легенды, сами же и посеяли своим неприятием иных, они оставили после себя не только руины своих парящих городов. Мои предки, первые из оборотней, рыскавшие по опустевшим, заросшим небесным чертогам, нашли ее в самом сердце разрушенного святилища. «Книгу Бытия», или «Книгу Истинности», как звали ее позже шаманы. Невероятный том, чьи страницы ка-

зались сотканными из застывшего света, испещренный пись-
менами, которые не читались глазами, а пели прямо в душу
на языке самой жизни, роста и увядания. В ней говорилось
об Источнике - первородной жизненной силе, самом сердце-
биении Лавии, скрытом где-то в самых древних ее утробах.
Если бы его найти, если бы пробудить его спящую мощь пра-
вильным, гармоничным ключом... можно было бы исцелить
землю, отогнать Черную Скорбь, ту самую гниющую порчу,
что безостановочно пожирала плодородные земли, превра-
щая их в ядовитые топи.

Я предлагал переговоры. Не раз и не два. Посылал гонцов
с ветками мира и отрывками из переводов Книги. Ответом
были всегда одни и те же отточенные эльфийские стрелы,
свистевшие с вершин их деревьев. Эльфы Лариэля, ослеп-
ленные своим изысканным превосходством, предпочитали
видеть в нас лишь диких, неразумных зверей, подлежащих
истреблению или изгнанию. Моя казнь сегодня - это не про-
сто акт мести за пограничные стычки. Это будет последний,
оглушающий гвоздь в крышку гроба нашего общего будуще-
го. Моя смерть под крики толпы развяжет ту самую тоталь-
ную войну, которую уже ничто и никто не остановит.

Оборотни, ведомые слепой, всепоглощающей яростью за
убитого Альфу, сметут эльфийские поселения на границах,
не щадя никого. А затем, обескровленные и ослабленные, мы
все вместе - и эльфы в своих разрушенных башнях, и обо-
ротни на выжженной земле - будем медленно, мучительно

умирать, наблюдая, как ядовитые черные болота завершают свою работу, поглощая последние клочки живой земли.

Ближе к ночи, когда холод камня проник уже в самые кости, голод и жажда стали невыносимыми, живыми существами, грызущими изнутри. Я допил остатки вонючей воды, и из моей груди, сдавленной клеткой и отчаянием, вырвался долгий, низкий вой. Не крик слабости или отчаяния, а древняя песнь. Песнь прощания с восходящим солнцем, которое я больше не увижу. С бескрайними лесами, полными шорохов, запахов и жизни, что скоро поглотит беззвучная черная жижа. С моими сородичами, с сильными воинами, с мудрыми старейшинами, с женщинами и беспомощными щенками, которых я, их Альфа, оставлял без защиты и вожака.

Мой вой, чистый и полный невысказанной скорби, подхватили другие узники, запертые в этом каменном аду. Сперва робко, с другого конца коридора, затем громче, смелее. Он покатился по мрачным коридорам тюрьмы, древний и трагичный, единый голос многих глоток, напоминая нашим тюремщикам за дверями, что они держат в клетках не безмолвный скот, а воинов с душой, историей и правом на ярость. Эльфийская стража, взбешенная этим проявлением духа, вломилась в камеры, заглушая наши голоса звоном стали, ударами и криками боли. Меня одного не тронули. Берегли для утреннего, тщательно спланированного спектакля на площади. Ценного зверя не портят перед показом.

На рассвете, когда серый свет только начал размывать те-

мень камеры, за мной пришли. Их было шестеро, в полных доспехах, лица скрыты шлемами. Кандалы, ледяные и тяжелые, впились в запястья, но ошейник, магический ошейник, подавляющий зверя и не дающий сдвинуться костям и мышцам, с меня сняли - он бы помешал веревке аккуратно и эффектно сделать свою работу. Горькая ирония судьбы. На мгновение, короткое, как вспышка, я снова почувствовал смутную, далекую связь с своей второй сущностью, с силой, спавшей в каждой клетке. Но она была слабой, приглушенной, как отголосок из другого мира, слишком слабым, чтобы что-либо изменить.

Когда меня вывели во внутренний двор крепости, утренний свет, чистый и резкий, ударил по глазам, заставив щуриться и слезиться после долгой темноты. Воздух! Он был таким свежим, ледяным, пахшим хвоей, влажной землей после ночной росы и свободой, а не плесенью, страхом и смертью. Я вдохнул его полной, жадной грудью, возможно, в последний раз, пытаясь вобрать в себя весь этот мир, который так любил. Мой взгляд, против воли, скользнул по зубчатым верхушкам темных елей на горизонте, по кромке леса, который был моим настоящим, единственным домом. Туда я больше не вернусь.

На низком, грубо сколоченном эшафоте уже стоял палач - в простой темной одежде и кожаной маске, скрывавшей лицо. Его глаза, видимые в прорезях, были пустыми, как у за-

гнанной лошади, безразличными к тому, чью жизнь он сейчас оборвет.

- Последнее слово, зверь? - произнес он глухо, отработанной, лишенной всякой интонации фразой.

И в этот момент, вопреки всякому разуму, крошечная искра надежды снова шевельнулась в груди, под пеплом обреченности. Может, все же...

- Я требую говорить с вашим правителем. С принцем Лариэлем! - мой голос прозвучал хрипло, но громко, разносясь по тихому двору.

Стоявший у подножия эшафота капитан стражи, эльф с надменным лицом, лишь усмехнулся, коротко и презрительно.

- Его Высочество почивает после ночного пиршества. Ему некогда беседовать с грязными оборотнями. Твое время истекло.

И в этот самый миг, когда палач уже поправил петлю, я услышал другой голос. Надменный, холодный, выточенный из льда и самомнения, узнаваемый из тысячи. Голос, который я ненавидел всеми фибрами души.

- Моя невеста пожелала взглянуть на оборотня. Утоли ее любопытство.

Я повернул голову. И мир, весь этот огромный мир с небом, лесами и крепостными стенами, сузился до одной-единственной точки. До нее. Лариэль, сияющий в утренних лучах в расшитом серебром одеянии, вел под руку суще-

ство, которое, казалось, было соткано не из плоти и крови, а из самого лунного света, утренней зари и тумана, поднимающегося с лесного озера. Ее походка была неземной, плавной, словно она не ступала по грубым камням двора, а плыла над ними, едва касаясь поверхности. Серебристо-белые волосы, длиннее, шелковистее, чем я видел у любой эльфийской девы, струились водопадом по ее плечам и спине, переливаясь и искрясь в косых лучах восходящего солнца. Но больше всего - ее глаза. Глубокие, бездонные, цвета самого высокого летнего неба в безоблачный ясный день. Они смотрели прямо на меня, с эшафота, и в них не было ни капли ожидаемого страха, ни отвращения, которые я привык видеть у эльфов. Лишь пытлиное, живое, неподдельное любопытство, будто она разглядывала редкое, невиданное животное.

- Полюбуйся, любимая, на жалкого представителя их рода, - голос Лариэля, сладкий и ядовитый, вернул меня в адскую реальность петли и ожидания смерти. - И представь, он - альфа их клана! Что, Заркан, тебе не сиделось на своих болотах? Или шкуру свою решил подарить нам в качестве свадебного дара?

- Нужда, - выдохнул я, не в силах, да и не желая отрывать взгляд от нее. Это короткое слово вобрало в себя все: голод, гон, отчаяние, борьбу за выживаемость своего клана на землях, которые с каждым годом все больше превращались в ядовитую пустыню. Всю нашу правду.

- Смотри, дорогая, - продолжал свой изощренный, жесто-

кий спектакль эльф. - Это их вождь. И каковы же его соплеменники, если их предводитель влачит такое жалкое существование? У него даже дворца нет, крыши над головой.

Его слова, произнесенные с такой снисходительной брезгливостью, разожгли во мне тлеющие угли гордости, заглушив на миг даже страх. Пусть услышит. Пусть она услышит.

- А зачем мне ваши каменные клетки? - мой голос прозвучал хрипло от неиспользования, но твердо и громко. - Наш дом - лес. Мы не рубим живые деревья, чтобы строить себе гробницы из мертвого камня. Мы плетем жилища из упавших ветвей, укрываем их мягким мхом и сухой травой, и они пахнут жизнью, а не пылью. Мы - часть этого мира, мы слушаем его дыхание, а не считаем себя его владыками, которые могут все рушить и перестраивать под себя. И мы охотимся, чтобы жить, чтобы кормить стаю, а не ради забавы и спортивного азарта, как это делают ваши изнеженные знатные юнцы, для которых смерть оленя - всего лишь повод для пира!

Она все так же молчала, не проронив ни звука, и ее взгляд, прикованный ко мне, был для меня в тот момент и мучительной пыткой, и неожиданным благословением. В ее синих, чистых глазах я читал не осуждение, не насмешку... а понимание? Нет, не может быть. Это просто игра света, мои собственные безнадежные надежды.

Лариэль, явно раздраженный моей речью и тем, что внимание его невесты всецело принадлежало мне, жалкому

пленнику, поднял изящную руку, чтобы дать долгожданный сигнал палачу. И тут случилось невероятное, то, что перевернуло все. Ее рука, маленькая, изящная, с тонкими, почти прозрачными пальцами, вдруг легла на его рукав, мягко, но неотвратимо останавливая жест.

-Постой! - произнесла она, и ее голос был подобен звону самых маленьких, самых чистых серебряных колокольчиков, неожиданно прозвучавших в этой мрачной атмосфере. - Ты говорил вчера, что исполнишь любое мое желание перед свадьбой. Любое.

Я не поверил своим ушам. Неужели?..

-Да, моя радость, - ответил Лариэль, и в его голосе зазвучала натянутая нежность. - Назови его.

-Отпусти его. Я не хочу, чтобы чужая смерть омрачала эти дни. Не хочу этого... зрелища.

Лариэль замер, и я, с высоты эшафота, увидел, как по его идеальному, холодному лицу пробежала быстрая тень - удивление, мгновенное раздражение, борьба между данным обещанием и лютой, давней ненавистью ко мне и моему роду. Но он был принцем, будущим правителем, и его слово, данное при свидетелях, особенно невесте, было законом, крепче стали.

Он кивнул капитану стражи, резко, почти яростно.

-Освободите его. Пусть убирается к себе в чашу.

Кандалы с тяжелым, звенящим грохотом упали на деревянные доски эшафота. Я спустился по шатким ступеням,

чувствуя, как кровь горячими волнами приливает к онемевшим, изуродованным наручниками рукам, возвращая жизнь и дикую, безумную надежду. Лариэль смотрел на меня с ледяным, пронзительным презрением, в котором теперь плясали искры бешенства.

-Благовари Веронику за свою жизнь, пес. И помни это.

Я не стал ему отвечать. Не было слов, которые могли бы выразить то, что бушевало у меня внутри. Вместо этого я, игнорируя его, подошел к ней. К этой загадочной девушке с необычным именем Вероника, спасшей меня от позорной виселицы одним лишь тихим словом. И перед всем двором, перед ошеломленной стражей и разгневанным принцем, я опустил перед ней на одно колено, коснувшись земли согнутой ногой. Это был не жест покорности эльфу. Это был древний, сакральный ритуал моей стаи - Клятва Крови, которую дают лишь раз в жизни.

-Я не знаю, кто ты и откуда пришла, - начал я, глядя прямо в ее синие, теперь широко раскрытые глаза, и в их глубине тонул весь остальной мир. - Но отныне и до конца моих дней моя кровь - твоя кровь. Моя жизнь - твоя жизнь. Мой дом - твой дом. Моя добыча - твоя добыча. Я, Заркан, сын Баркена, альфа клана «Кровавой Хватки», приношу тебе эту клятву перед лицом неба и земли. Прими ее. Лишь смерть может разорвать эту связь.

Я поднес указательный палец ко рту и проколол кожу острым кончиком клыка, который уже начинал напоминать о се-

бе. Алая, яркая капля моей крови выступила и, подчиняясь древней магии обещания, данной всерьез, не упала, а взмыла в воздух между нами, сверкнула на солнце рубиновой искрой и растворилась, запечатав обет в самой ткани реальности.

Я поднялся. И снова встретился с ее взглядом. Теперь в ее глазах читалось настоящее смятение, осознание значимости и тяжести только что произошедшего. Ее губы, алые и влажные, приоткрылись от волнения, и кончик розового языка, быстрый и неуловимый, скользнул по нижней губе, смачивая ее. Простой, неосознанный жест. Но для меня, для зверя, что дремал в моей крови и уже начал пробуждаться от близости свободы и этого невероятного существа, этот жест был подобен вспышке ослепительной молнии. По всему моему телу, от макушки до пят, разлился дикий, неконтролируемый, чисто животный жар. Кровь закипела в жилах, сжимая сердце внезапным, неистовым, первобытным желанием. Я захотел ее. Не как благодарный спаситель, а как самец, почуявший свою единственную, предназначенную самку. Это было грубо, примитивно, необузданно и непреодолимо.

Лариэль, с его обостренным до предела эльфийским восприятием и ревнивым сердцем, уловил эту вспышку моего желания, как улавливают запах дыма. Он резко, почти броском, шагнул вперед, заслонив ее собой своим телом, и его идеальное лицо исказила гримаса чистейшей ревности и яростного гнева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.